

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.12

EDN: UGLCXB

ЖИВУЧИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ЗАВЫШЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ

Рецензия на книгу К. Фрумкина «Любование учёным сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике»¹

**Егерев
Сергей Викторович¹**

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

Для цитирования: *Егерев С. В.* Живучие стереотипы и завышенные ожидания. Рецензия на книгу К. Фрумкина «Любование учёным сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике» // Управление наукой: теория и практика. 2023 Т. 5. № 4. С. 201–208. DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.12. EDN UGLCXB.

АННОТАЦИЯ

В рецензии отмечается важность монографии. Культуролог К. Г. Фрумкин собрал в книге уникальный материал об эволюции темы науки и учёных в советской (русской) культуре на протяжении XX века. Автор развивает две параллельные сюжетные линии. Первая линия представляет анализ исторического развития отечественной науки в XX столетии. Вторая линия связана с подробной инвентаризацией сложившихся в искусстве шаблонов и стереотипов научной среды. Показано, что наиболее распространённым и знаковым в советском искусстве является представление о положительном герое-учёном как о самоотверженном энтузиасте. К другим обсуждаемым стереотипам относятся также жертвенность учёного, его бойцовские качества, позволяющие противостоять проходимцам от науки. Развитие получили темы борьбы с научным плагиатом и карьеризмом. Под знаком государственного нетерпения и завышенных ожиданий разрабатывалась обязательная тема связи

¹ Фрумкин К. Любование учёным сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 352 с.

науки с производством. Сделан важный вывод о живучести стереотипов, которым не мешала эволюция отношения советского общества к науке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

наucoоpиентированные произведения, таланты в науке, научный менеджер, коллективные исследования, учёный-одиночка

Советское искусство уделяло большое внимание теме науки и учёных. С различной степенью успеха художественные произведения отражали динамичную картину развития научной сферы. Автор монографии – К. Г. Фрумкин – анализирует эволюцию образа учёного в начале XX века и на протяжении советского периода.

Автор развивает две перекликающиеся параллельные сюжетные линии. Во-первых, это профессиональный науковедческий анализ исторического развития отечественной науки в XX веке. Дается достаточно обоснованная периодизация: наука, «оторванная от жизни» (до 1917 года); наука ленинского периода (до 1924 года); наука раннего сталинизма (до 1940 года); наука позднего сталинизма (до 1953 года); наука «больших шестидесятых» (до 1970 года); наука на этапе упадка (до 1985 года); время воспоминаний и мифов (до 2000 года). Например, период «больших шестидесятых» охарактеризован как золотое время советской науки.

Вторую линию представляет проведённая на обширном материале подробная инвентаризация шаблонов и стереотипов научной среды, которые воспроизводились как отечественными деятелями культуры, так и самими научными работниками. Для разработки второй сюжетной линии К. Г. Фрумкин вводит понятия «наucoоpиентированная литература», «наucoоpиентированное кино» и т. д. Для иллюстрации каждого стереотипа автор находит не менее 2–3 произведений из этого массива. В качестве источников стереотипов наиболее часто разбирается проза Даниила Гранина «Иду на грозу» (1962), Александра Крона «Бессонница» (1977), И. Грековой «Кафедра» (1978), Михаила Емцева и Еремея Парнова «Море Дирака» (1966), пьесы Владимира Киришона «Чудесный сплав» (1934), Галины Врублевской «Кафедра» (1982), кинофильмы «Девять дней одного года» (1961), «Иванцов, Петров, Сидоров» (1978), «Лебедев против Лебедева» (1965). По-видимому, эти произведения стали ведущими поставщиками стереотипов потому, что в них подробно исследован «нерв» советской научной среды. Автор не ограничивается лишь художественными произведениями, он предоставляет слово также литературоведам, социологам, науковедам и историкам науки.

Так, из книги мы узнаем, что многими специалистами образ человека науки определён как совершенно стереотипный, а культура работает со стандартной антропологией учёного. Это во многом происходит потому, что учёный стал традиционным персонажем советских художественных произведений.

Важнейшими объединяющими характеристиками положительного героя-учёного надолго стали отстранённость, бесребреничество, одержимость исследованиями. Причём образ учёного в художественных произведениях с годами эволюционировал. Автор отмечает, например, что фигура рассеянного профессора в середине века подверглась «юниоризации», учёный стал продвинутым и спортивным. В свою очередь, юниоризация стала лишь ступенью к «прагматизации» образа. Однако, несмотря на эволюцию образа учёного в отечественном искусстве на почти столетнем временном отрезке, стереотипы оказались очень живучими.

Наиболее распространённым и знаковым является представление об учёном как о самоотверженном энтузиасте, и автор начинает обсуждение стереотипов с иллюстрации трудолюбия увлечённых научных работников. Консенсус советской «научноориентированной» культуры состоял в том, что трудолюбие есть лучшая черта лучших из учёных. Они путают день с ночью, приносят для домашней работы не только документацию, но и пробирки с дрозофилами, что нервирует их близких. Так, повесть «Понедельник начинается в субботу» Аркадия и Бориса Стругацких (1965) самим названием отсылает читателя к феномену трудоголизма учёных. Автор называет эту повесть «последним вздохом утопической романтики коммунизма». Обнаруживается также, что учёные любят и сами поговорить о своей увлечённости, причём эти высказывания, как правило, обращены к молодёжи. Этот приём, по мнению К. Г. Фрумкина, представляет часть особой педагогики, своего рода наставление будущему учёному, побуждающее молодого человека к психологической мобилизации. Несколько особняком стоит мнение Александра Солженицына, высказанное в романе «В круге первом» (1958). Исследовательская увлечённость его героя помогает ему пережить тяготы тюремной жизни. Здесь фактически перефразирована цитата из очерка Льва Толстого «Неделание» (1893): «...труд есть большей частью нравственно анестезирующее средство вроде курения или вина, для скрывания от себя неправильности и порочности своей жизни». С этим мнением великих писателей, по-видимому, следует согласиться.

Одним из важных последствий культа научного энтузиазма оказался стереотип о готовности настоящих учёных к самопожертвованию. К причинам феномена автор относит два обстоятельства. Во-первых, жертвенность учёного была вознесена на пьедестал благодаря послевоенному культу фронтовиков. Вторым обстоятельством выступает характерный для советского искусства культ труда вообще, который к тому же смыкается с традиционной линией долга интеллигенции перед народом. Учёный, герой художественных произведений, нередко оказывается тяжело больным человеком, выполняющим свои обязанности вопреки немощи. Начало этой теме, по-видимому, положено кинофильмом «Депутат Балтики» (1936). Часто здоровье учёного оказывается подорванным именно в результате научных экспериментов. Естественно, что жертвующие собой учёные с презрением относятся к дезертирам из науки (герои фильма «Ещё раз про любовь» (1968)). Отмечается, что к концу советского периода культ учёного-мученика стал терять своё обаяние.

Автор не мог пройти мимо проблемы таланта учёного. Он говорит о жёстком противопоставлении исследователей, обладающих способностями, и тех, кто такими способностями не обладает. В «научноориентированных» литературе и киноискусстве учёные, лишённые таланта, воспринимаются как люди не вполне легитимные и несправедливо занимающие посты в своих НИИ. Особенно беспощадным является отношение к людям посредственным из хороших семей, потомственным учёным. Талантливые учёные, наоборот, как правило, рождаются в глухих деревнях и добиваются успеха вопреки всему. Люди, обладающие талантом, – это явно люди необычные, свободные от мещанских и материальных мотиваций. Даже переместившись на управленческую позицию, нетворческий учёный не получает прощения читателей и зрителей хотя бы потому, что в стереотипных сюжетах бездарность завидует таланту и специально ему мешает.

Ориентация на талант неизбежно приводит советское искусство к культу великих учёных. Соответственно, получила развитие посвящённая учёным биографическая литература. Однако «талантоцентрическому» (по выражению автора) крену в советском искусстве противостояли коллективистские тенденции. Пропаганда коллективного характера научной деятельности, по-видимому, была связана с целью обоснования возможности управления наукой со стороны государства. Борьба за коллективизм научного исследования и против индивидуализма выступает лейтмотивом романов, пьес и кинофильмов. Советская наука с годами приобрела индустриальные черты, а образ научного работника эволюционировал от профессора-одиночки (либо безумного гения) до «растворившегося» в коллективе рядового сотрудника больших НИИ. Научковеды констатируют, что и в реальной науке место учёного-одиночки занял коллектив, деятельность которого зависит от государственного финансирования. Идея коллективизма в науке формулировалась не в интересах защиты рядовых сотрудников, а в интересах государства. Автор показывает, что борьба двух этих тенденций к концу советского периода, по-видимому, закончилась вничью: идеология коллективизма на словах признавалась верной, однако она не смогла преодолеть господствовавший культ талантливого индивидуума.

Знаковой чертой «научноориентированных» произведений советского искусства, как оказалось, является эйджизм. На социальные конфликты в науке смотрели с точки зрения межпоколенческих конфликтов, занимая сторону младших поколений. Автор отмечает, что начало положил Вениамин Каверин в 1928 г., и далее этот подход благополучно просуществовал почти 70 лет. «Институт существует не для того, чтобы содействовать развитию науки, а для того, чтобы украшать существование директора», – возвращается к этой же теме Вениамин Каверин уже в 1978 г. в повести «Двухчасовая прогулка». Возраст почтенных учёных, возможно, был главным пунктом обвинения в таких произведениях. Присущая пожилым учёным мудрость теряла ценность на фоне свойственной молодым учёным креативности. Все руководящие должности заняты пожилыми учёными, а у молодёжи нет перспектив. Добившийся карьерных успехов пожилой учёный деградирует в

качестве исследователя и превращается в тормоз развития НИИ. Проблема карьеры в стареющем коллективе – лейтмотив романа «Жду и надеюсь» Бориса Никольского (1976), кинофильма «Иванцов, Петров, Сидоров» (1978) и других произведений.

К этой теме близка и тема расслоения научной среды. Распространились произведения, описывающие появление высокопоставленных консерваторов. Учёный, утративший умение работать, но обладающий авторитетом, оказывается гораздо опаснее, чем просто учёный, не умеющий работать. Живучесть стереотипа автор объясняет тем, что человеку с советским социальным опытом была чужда фигура квалифицированного научного менеджера. Выбор был небогатый: либо учёный, либо бюрократ, руководящий наукой, но не разбирающийся в ней. Советское художественное творчество с интересом разрабатывало и тему научного руководителя-диктатора, часто принимающего унижительные для его сотрудников решения. Типы научных диктаторов выведены в произведениях Павла Амнуэля «Капли звездного света» (1978), Иосифа Герасимова «Эффект положения» (1979), Давида Константиновского «...Следовательно, существую» (1971). Диктатору обычно противостоит талантливый (молодой) учёный, который наделяется бойцовскими качествами в случае, если ему предстоит стать положительным персонажем произведения. Часто в центре произведения оказываются даже два персонажа, пара друзей, один из которых – более талантлив, а у другого более независимый характер и больше предприимчивости. Вдвоём они успешно сопротивляются несимпатичному и некомпетентному начальнику, отстаивают свои права на проделанную работу.

Действительно, важной темой становятся плагиат и навязанное соавторство. Эта тема позволяла приблизить безмятежное повествование о жизни учёных к детективу. Далее, плагиат имел значение не только как преступное деяние, но и как симптом, разоблачавший отсутствие таланта у плагиатора, что было явной чёрной меткой. Тему плагиата в советских литературе и кино начали эксплуатировать ещё в сталинский период. В качестве одного из первых примеров К. Г. Фрумкин называет байопик «Жуковский» (1950). В фильме меценат Рябушинский предлагает Жуковскому, чтобы все научные работы выходили под его именем, что не соответствует реальным событиям тех лет. Более-менее честный разговор о принудительном соавторстве и отчуждении научных результатов в пользу начальства начался в 1970-х гг. Исходным произведением для этого этапа обсуждения темы названа повесть Даниила Гранина «Кто-то должен» (1970).

В книге научная сфера предстаёт как мир интриг. Пристальное внимание к интригам в произведениях искусства автор объясняет тем, что научная среда представляет, во-первых, удобный объект рассмотрения и, во-вторых, безопасный источник фактического материала. Действительно, произведения, повествующие об интригах, например, в райкомах партии, не могли появиться в принципе. А применительно к научной сфере тема интриг в интересах карьеры была безопасной. Бенефициарами подковёрной борьбы в НИИ и вузах, согласно отечественным литературе и кинематографу, не-

изменно становятся лжеучёные-карьеристы. Попутно они выдают себя ещё и как враги советской власти (или «космополиты»), либо как антисистемные персонажи в широком смысле слова. К концу советского периода показ темы карьеризма сблизился с обсуждением темы нравственности и эгоизма в науке. Это интересное наблюдение автор иллюстрирует на ряде значимых примеров.

Под знаком государственного нетерпения и завышенных ожиданий разрабатывалась обязательная тема связи науки с производством. От науки требовался немедленный практический результат. Уверенные обещания скорого результата объясняли стремительный взлёт академика Т. Д. Лысенко и подобных одиозных персонажей. Вера в чудо подстегнула появление героев советской «научоориентированной прозы», которые нередко бьются над задачами, и сегодня непосильными для человечества. Причём речь идёт о реалистической прозе, а не о фантастике. Попытке вписать научные исследования в большевистские темпы посвящены пьеса Константина Тренева «Опыт» (1934) и последующие произведения. Автор обнаруживает, однако, что в 1960-е годы в публичных оценках науки и практики происходит перелом. Создатели художественных произведений «набрались смелости» защитить науку от понуканий. Тема быстрого и эффективного внедрения научных результатов в народное хозяйство перестаёт быть мейнстримом. Носителями нового взгляда называются повести «Блуждающие токи» Виля Александрова (1973), «Золотая наша железка» Василия Аксенова (1973), роман «Уйти, чтобы остаться» Ильи Штемлера (1966), а также другие произведения. Наивное представление о добродетельной практичности науки сохранялось в единичных образцах, представляющих «отзвуки сталинской эпохи». Это, например, романы «Соль земли» Георгия Маркова (1960), «Купол надежды» Александра Казанцева (1980) и другие.

Читатель книги получает представление о любопытной картине эволюции отношения общества к отечественной науке, причём этапы эволюции имеют прямое отношение к нашим историческим реалиям (индустриализация науки, наука военного периода, гонения на генетиков и т. д.). Отдавая должное масштабу проделанной К. Г. Фрумкиным работы, приходится выразить некоторое сожаление о том, что вне поля его внимания остались некоторые произведения, которые не отнесёшь к «научоориентированным». Если тема науки занимает лишь часть сюжета, то для иллюстрации научной жизни создатели на ограниченном пространстве должны применять особенно броские плакатные краски. Соответственно, на читателя (зрителя) обрушивается парад ярких стереотипов, которые могли бы дополнить интересное обсуждение. В ряду этих произведений можно назвать, например, культовые кинофильмы «Два билета на дневной сеанс» (1966), «Судьба резидента» (1970), «Полоса везения» (1983) и другие.

Возможно ли провести аналогичный анализ культурной проекции современной российской науки? Автор отвечает на этот вопрос скорее отрицательно. Упадок интереса к актуальному состоянию российской науки, случившийся в 1990-е годы, так и не восстановился до настоящего времени.

Возможно, что культ науки был специфическим феноменом XX века, которому не суждено повториться в таком же виде.

Книга увлекательно написана и читается с интересом.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023. Принята к публикации 25.09.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егерев Сергей Викторович segerev@gmail.com

Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 346

ORCID: 0000-0001-6998-1060

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.12

TENACIOUS STEREOTYPES AND INFLATED EXPECTATIONS

Review of the Book “Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art and Public Rhetoric” by K. Frumkin²

Sergey V. Egerev¹

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Egerev, S. V. (2023). Tenacious stereotypes and inflated expectations. Review of the book “Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art and Public Rhetoric” by K. Frumkin. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 4. P. 201–208. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.12.

Abstract. The review notes the significance of the monograph. In his book, the cultural studies scholar Konstantin Frumkin has collected unique materials on the evolution of the theme of science and scientists in Soviet (Russian) culture throughout the 20th century. The author develops two parallel story lines. The first line presents an analysis of the historical development of Russian science in the 20th century. The second line presents a detailed list of templates and stereotypes of the academic environment that have developed in art. It is shown that the most widespread and iconic in Soviet art is the representation of the positive character of scientist as a self-sacrificing enthusiast. Other stereotypes under discussion include scientists' self-sacrifice and their fighting qualities which allow them to resist impostors in science. The themes of struggle with academic plagiarism and careerism were developed. Under the sign

² Frumkin, K. (2022). *Admiring the academic class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric*. Moscow ; St. Petersburg : Nestor-Istoriia. 352 p. (In Russ.).

of state impatience and inflated expectations, the obligatory theme of the connection between science and production was elaborated. An important conclusion is drawn about the tenacity of stereotypes which were not hindered by the evolution of Soviet society's attitude to science.

Keywords: science-oriented works, talents in science, scientific manager, collective research, lone scientist

The article was submitted on 01.09.2023. Accepted for publication on 25.09.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Egerev *segerev@gmail.com*

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 346

ORCID: 0000-0001-6998-1060